

В.К. Васильев

Сибирский федеральный университет

Чичиков и Гоголь

Статья первая

К семантике образа и жизнеописания Чичикова

Аннотация: В статье рассмотрено зарождение сюжета о «мертвых душах» в русской культуре от 1) указов Петра I, призванных реформировать уплату податей, 2) прочтения в старообрядческой среде фигуры Петра как Антихриста, взимающего дань с мертвых, 3) афер скупщиков «мертвых душ» до 4) реализации его в поэме Н.В. Гоголя. Проанализированы и систематизированы фрагменты жизнеописания Чичикова, в которых он предстает в качестве противника Бога: «нечистого», «черта, а не человека», Антихриста.

In this article we have examined genesis of «dead souls» plot in Russian culture which arises from: 1) Peter's the Great decrees which were destined to reform taxes payments, 2) Old Believers consideration Peter the Great as Antichrist collecting payments from dead, 3) speculations of «dead souls» buyers, 4) it's realization in Gogol's poem. We have analyzed and systemized fragments of Chichikov's biography where he appears as God's opponent: «unholy», «devil, not human», Antichrist.

Ключевые слова: творчество Гоголя, архетипический сюжет, Антихрист.

Creativity of Gogol, archetypical plot, Antichrist.

УДК: 821.161.1.

Контактная информация: Красноярск, пр. Свободный, 82. СФУ, кафедра русской и зарубежной литературы. Тел. (391) 2497073. E-mail: v-v-kir@yandex.ru.

Истоки сюжета «Мертвых душ» лежат в русской жизни. Об этом писали многие авторы. Обращаясь к ранее установленным фактам, мы бы хотели акцентировать некоторые существенные смыслы, оказавшиеся либо на периферии внимания исследователей, либо вне его, а также попытаться систематизировать данные факты и смыслы в русле означенной темы.

Во-первых, ближайшие реальные прототипы Чичикова – скупщики мертвых душ, аферы которых обсуждали А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь и о которых (скупщиках и аферах) мы, к сожалению, все-таки мало знаем в деталях [см., например, комментарий в кн.: Гоголь, 1951, т. VI, с. 900–901¹; Карпенко, 1985, с. 36–44]. Во-вторых, одним из исторических прототипов гоголевского героя является Петр Великий [см. о проблематике: Виноградов, 2000, с. 330]. Именно он невольно стал *первым «автором»* и одновременно *центральным персонажем* сюжета о «мертвых душах». Указы царя от 26 ноября 1718 г. и Сената от 22 января 1719 г. были призваны, говоря языком современным, реформировать налоговую систему – заменить неэффективное «подворное» обложение «подушным». Сочетание казенной бумаги, мертвой буквы с реальной жизнью может привести к самым неожиданным

¹ Далее сноски на тексты Гоголя по данному изданию в круглых скобках с указанием тома и страниц.

данным результатам. А потому в работе бюрократической машины никогда не обходится без сбоев – всевозможных казусов, недоразумений и анекдотов. На этот раз все оказалось запрограммировано: упомянутыми указами в национальную почву было всеяно зерно, таившее в себе «анекдот» – сюжет, который должен был развернуться по строго определенным правилам.

Незадолго до того, как Гоголь приступил к написанию поэмы, в 1833 году, вышел манифест о проведении восьмой по счету ревизии. Считать можно поразному. Если от начальных дат, то минимальный промежуток между переписями 1719–1833 гг. составил 4 года (6 и 7-я переписи – 1811, 1815 гг.), максимальный – 24 (1 и 2-я – 1719, 1743 гг.), средний же – около 16 лет. За это время, используя гоголевское выражение, «достаточное число» душ успевало переселиться в мир иной. Затея с исчислением душ «от старого до самого последнего младенца», взиманием денег (налогов) с покойников (!), живых на бумаге до очередной переписи, и породила сюжет со странными, мистическими смыслами. Во второй раз – вслед за Петром I – уже в письменном варианте он воплотился в сочинениях «раскольников», старообрядцев. В них растолковывался смысл, содержались оценка петровского учреждения, взгляд на царя-реформатора со стороны. Обратимся к одному такому, весьма красноречивому произведению, которое, если мы не ошибаемся, не привлекалось исследователями гоголевского творчества. «Той же лжехристос (Петр I. – В.В.) содела от гордости живущаго в нем духа, учени описание народное, исчисляя вся мужеска пола и женска, старых и младенцов, живых и мертвых, возвышаяя над ними взыскуя всех, дабы ни един мог скрытися от руки его, и облагая их даньми велиими, не точию на живых, но и на мертвых. Таково тиранство учини и с мертвых дани востребова, сего и в древния времена бывшия мучители не творили». По словам автора, перепись населения – предсказанное в Священном Писании «уловление душ» антихристом, Петром Великим. Он «богоненавистною ревизию учредил... хотящее всех поглотити, живых и мертвых данею обложил»¹ (курсив в цитатах здесь и далее наш. – В.В.).

Как видим, автор данного сюжета о «мертвых душах» более всего поражен, что перепись и «дань» распространились именно на мертвых. Мистика ситуации заключается в том, что души мертвы, а Петр I получает с них капитал. Буквально то же самое попытался проделать и г. Чичиков! Сюжет читается и дальше: душа принадлежит Богу (тем более душа, покинувшая мир), если появляется некто, заявляющий право на обладание ею, для него определено только одно место по отношению к Всевышнему – «анти», «лже»: «против», «вместо». С точки зрения старообрядцев, Петр I деянием открыл свою природу, выдал себя как лжехриста = Антихриста. Взгляд на русскую жизнь и ее оценки у старообрядцев – обостренно православные. Никакой иной позиции, кроме религиозной, христианской, относительно мира и поступков человека они не знают.

В третий раз вариации интересующего нас сюжета реализовались в аферах скупщиков «мертвых душ». Скорее всего, ориентируясь первоначально на них, Пушкин и Гоголь тоже попадают в орбиту этого сюжета (четвертый вариант). Оставляя в стороне вопрос с Пушкиным, мы должны ожидать, что и в восприятии Гоголя Чичиков (сюжетный заместитель Петра Великого и аферистов) выступит как «нечистый», противник Бога. Подтверждается ли это текстом поэмы? В гоголеведении на этот вопрос существует положительный ответ (таково мнение Д.С. Мережковского², В.В. Набокова¹ и др. [об аспекте Чичиков – Антихрист см.:

¹ Сочинение автора-бегуна первой половины XIX в. [цит. по кн.: Гурьянова, 1988, с. 42]. (Н.Я. Аристов писал о том, что сочинение «Об антихристе, еже есть Петр I» в среде раскольников появилось во второй половине XVIII века [см.: Аристов, 1887, с. 26]).

² «В религиозном понимании Гоголя черт есть мистическая сущность и реальное существо, в котором сосредоточилось отрицание Бога, вечное зло»; «Два главных героя Гоголя – Хлестаков и Чичиков – суть два современных русских лица, две ипостаси вечно

Лотман, 1988, с. 248, 250; Вайскопф, 1993, с. 388–389; Гольденберг, Гончаров, 1994, с. 40–48; Гончаров, 1997, с. 208–219]), иногда с опорой на текст поэмы, иногда без. Но все-таки текст в таких случаях – конечная и абсолютная инстанция.

Присмотримся, в частности, еще раз к тому, как одет Павел Иванович Чичиков. В первой главе, как и обитатели города NN, мы только-только знакомимся с героем. Оказавшись в провинциальном городе, приезжий очень удачно свел знакомства с чиновниками и собирается на вечеринку к губернатору. Потратив «с лишком два часа времени» на приготовление к ней, наш герой «очутился во фраке *брусничного цвета с искрой*» (VI, 13). А вот он (глава вторая) собрался ехать к Манилову, с которым познакомился на той самой вечеринке. После гигиенических процедур он надевает уже знакомый нам «фрак *брусничного цвета с искрой*» (VI, 21). В седьмой главе «новый херсонский помещик», отпраздновав с чиновниками свои приобретения, добрался до гостиницы. Петрушка раздевает его и выносит «на коридор панталоны и фрак *брусничного цвета с искрой*» (VI, 152).

В одиннадцатой главе автор излагает биографию героя, посвятившего себя устройению карьеры и приобретательству. После сурового «воздержания» и «долговременного поста» Чичиков наконец получил возможность потратить на себя: «уже сукна купил он себе *такого, какого не носила вся губерния (!), и с тех пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрой*» (VI, 232). Заметим, что это первое облачение Павла Ивановича в свойственный его природе костюм, по которому он выделен автором среди всех губернских чиновников и помещиков. Ср.: на весьма похожем «на средней величины медведя» Собакевиче фрак «*для довершения сходства <...> был совершенно медвежьего цвета*» (VI, 94). Чиновники в сцене на балу у губернатора одеты в черные фраки (см.: VI, 14).

Те же мотивы звучат и в сохранившихся главах второго тома. В «заключительной главе» мы видим Чичикова в городе Тьфуславле на ярмарке «собственно дворянской» (VII, 97) «с красными товарами для господ просвещения высшего» (VII, 234). Он заходит в лавку выбрать сукно, предпочитая не «английских мануфактур», но «отечественной фабрикации <...> но только лучшего сорта, который называется аглицким» (VII, 235). Павел Иванович просит «*цветов темных, оливоковых или бутылочных с искрой, приближающихся, так сказать, к бруснике*». Герой придирчив, а вместе с ним и автор, который хочет подобрать ему нечто совершенно определенное. «...Все не то, – сказал Чичиков. – Ведь я служил на таможне, так мне высшего сорта, какое есть, и притом больше *искрасна, не к бутылке, но к бруснике, чтобы приближалось*» (VII, 99). Ср.: «цвету больше того... больше *искрасна, чтобы искры были*» (VII, 235)). «Понимаю-с: *вы истинно желаете такого цвета, какой нонче в Пе<тербурге> <в моду> входит*» (!)², –

и всемирного зла – “бессмертной пошлости людской”. По слову Пушкина, “*то были двух бесов изображение*”. <...> за этими двумя противоположными лицами скрыто *соединяющее их третье лицо черта “без маски”, “во фраке”, в “своем собственном виде”*»; «среди “безделья”, пустоты, пошлости мира человеческого, *не человек, а сам черт, “отец лжи”*», в образе Хлестакова или Чичикова, плетет свою вечную всемирную “сплетню”, и пр. [Мережковский, 1914, с. 187, 189, 190].

¹ Главный герой поэмы, в определении В. Набокова, – «всего лишь низко оплачиваемый агент дьявола, адский коммивояжер: “наш господин Чичиков”, как могли бы называть в акционерном обществе “Сатана и К^о”»; «фальшивка, призрак, прикрытый мнимо пиквикской округлостью плоти, который пытается заглушить зловоние ада (оно куда страшнее, чем “особенный воздух” его угрюмого лакея) ароматами, ласкающими обоняние жителей кошмарного города NN»; «*посланник сатаны, спешащий домой, в ад*» [Набоков, 1996, с. 80, 90, 104].

² В этой детали – подмеченное Гоголем начало петербургского бесовства, исследователем которого вскоре выпадет статья Ф.М. Достоевскому.

отвечает лавочник. И подает «штуку», на которой и сходится с привередливым покупателем: «Отличный цвет! *Сукно наваринского дыму с пламенем*» (VII, 99). Ср.: «Вот-с сукно-с! *Цвету наваринского дыму с пламенем*» (VII, 235).

Гоголь навязчив, даже чрезмерно. Он усиленно хочет донести до читателя какую-то мысль. И эта мысль очевидна. «*Фрак брусничного цвета с искрой*», *цвету «наваринского дыму с пламенем»* – образ вполне говорящий¹. Поэма описывает пространство ада, путеводитель по его кругам универсально «средний» и «пошлый», неопределенный герой появляется перед читателями в облачении, очень определенном, – *одежде, сотканной из искр, пламени и дыма!*.. Костюм Чичикова больше чем костюм², это выражение его сущности, единоприродной пространству ада!³.

Во втором томе Чичиков, заключенный в чулан, за решетку, кается перед Муразовым: «*Сатана проклятый обольстил <...> искусил шельма <...> изверг рода человеческого*», «*Демон-искуситель сбил, совлек с пути, сатана, черт, исчадьё*». Он рвет на себе «фрак наваринского пламени с дымом», клянется, что «повел бы отныне совсем другую жизнь» (VII, 111, 112). В нем даже полупробудились «силы души <...>. Казалось *природа его темным чутьем* стала слышать, что есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле» (VII, 115) и пр. Но все кончилось тем, что, изгнанный из города, он вновь купил «четыре аршина на фрак и на штаны» сукна «*наваринского пламени с дымом*». Фрак оказался «хорош, *точь-в-точь как прежний*» (VII, 123). Природа героя осталась неизменной, а возрождение невозможным. Не случайно далее следует пассаж о «развалине прежнего Чичикова». Схема «разобрана», чтобы строить «новое (читай – воскресение героя), а новое не начиналось, потому что не пришел от архитектора (читай – свыше) определительный план» (VII, 124), потому работник, Гоголь, остался в недоумении...

Замечательны и обстоятельства, объясняющие, почему и как у Павла Ивановича оказались «излишества», в какой период жизни он впервые заказывает себе

¹ Напомню характерное признание Гоголя: «Это полное воплощение в плоть, это полное округление характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу в уме своем весь этот прозаический существенный дряг жизни, когда, держа в голове все крупные черты характера, *соберу в то же время вокруг его всё тряпье до малейшей булавки, которое кружится ежедневно вокруг человека*» (VIII, 453).

Значимость символики фрака Чичикова остроумно определена А. Белым, сказавшим, что перед нами «не личность, а красный фрак: с искрой» [Белый, 1996, с. 89]. Однако, с нашей точки зрения, совершенно невозможно видеть в тексте о фраке «новый вариант “Шинели”, маленькую совершенно самостоятельную повесть» [Боцяновский, 1928, с. 101]. Символика фрака в поэме имеет подчиненный характер, ее задача – объяснение внутренней природы героя.

² См. одну из последних статей, посвященных костюму Чичикова (в ней рассмотрены и работы предшественников): [Кирсанова, 1995, с. 230–238]. Автор предполагает, что в данном случае «гоголевский цвет» – «средство психологической характеристики персонажа» [Там же, с. 235] и справедливо ассоциирует его с цветообозначениями преисподней. [См. также: Демидова, 2008, с. 224–233]. Авторы этих и других работ пытаются уточнить обозначение цвета, выраженное словом «наваринский». На наш взгляд, это не является особой загадкой, Гоголь всё обозначил в поэме («брусничный», «искрасна» и пр.). Мы делаем акцент на символике «искр», «дыма и пламени».

³ Представляется, что это все-таки не то, о чем писал А. Белый или пишет М. Вайскопф. Фрак героя поэмы – «признак круглоты, обтекаемости», а его красный цвет – цвет «крови и преступления» [Белый, 1996, с. 101]. «Чичиковские фраки “брусничного” цвета уже примелькались в тогдашней литературе – это “бутылочные” тона, “цвета семги” и т.п.» [Вайскопф, 1993, с. 369]. Не видим мы в «дыме» и «подчеркивания пустоты жизненных устремлений Чичикова» [Демидова, 2008, с. 228].

одеяние «нечистого»¹. Начиная карьеру Чирикоч добился «хлебного местечка» за счет «известных рекомендательных писем за подписью князя Хованского», что и улучшило его материальное положение (см.: VI, 230–231). «Скоро представилось Чирикову поле гораздо пространнее: образовалась комиссия для построения какого-то казенного весьма капитального строения. В эту комиссию пристроился и он, и оказался одним из деятельнейших членов. Комиссия немедленно приступила к делу. Шесть лет возилась около здания; но климат что ли мешал или материал уже был такой, только никак не шло казенное здание выше фундамента. А между тем в других концах города очутилось у каждого из членов по красивому дому гражданской архитектуры: видно грунт земли был там получше. Члены уже начали благоденствовать...» (VI, 231–232). Именно после этой аферы Чирикоч смягчил свой долговременный «пост», в том числе впервые обзавелся фраком, раскрывающим суть его натуры и деятельности.

Для читателя гоголевский текст не очень ясен, – что это за «казенное весьма капитальное строение»? В одной из ранних редакций поэмы речь шла о «комиссии постройки храма Божия» (VI, 561). Как известно, Гоголь отталкивался в данном эпизоде от скандальной истории с неудачным строительством храма Христа Спасителя по первоначальному проекту А.Л. Витберга [см., напр.: Гуминский, 2003, с. 113–121]. Грандиозное сооружение предполагалось возвести на Воробьевых горах – от набережной вверх по склону. Воплощение проекта сопровождалось строительными неурядицами, в частности неисследованный заблаговременно грунт оказался непригодным для строительства, плавучим (автор не случайно иронизирует по поводу «лучшего грунта»). А главное было в том, что члены комиссии погрязли в махинациях, попали под суд, их имущество было конфисковано, а неспособный руководитель Витберг сослан в Вятку. Отношение Гоголя к этой широко известной истории характеризует и то, что он решительно отказался ходатайствовать о назначении пенсии знакомой его матери, вдове одного из членов комиссии, М.В. Клименко (см.: X, 104, 431).

Совершенно понятно, почему автор «пристроил» в комиссию по строительству Чирикова. Храм возводился в память о победе над Наполеоном и должен был стать символом подвига русских воинов, воплотившим искупительную жертву Христа. Павел Иванович пытается строить свой «трехэтажный» (!) дом (см.: VII, 111), комфорт на украденные пожертвования (храм строился не только на казенные деньги, но и на собранные «всем миром»), на уничтожении памяти о национальном подвиге, на попрании святой крови защитников Отечества.

Собственно, Гоголь предваряет в герое «Мертвых душ» открытие Достоевским психологического типа «человека настоящего русского большинства», для которого «нет ничего святого» [Достоевский, 1989, с. 766]. Демоническая природа Чирикова в абсолюте проявлена в эпизоде его разговора с Плюшкиным, когда он едва скрывает радость, услышав, что горячка выморила «со дня подачи последней ревизии» «до ста двадцати» душ (см.: VI, 122).

Стоит обратить внимание и на типичное поведение Чирикова-карьериста. Человек, выстраивающий карьеру, может быть движим амбициями, желанием реализоваться, за которыми стоят подлинные способности и таланты. Как всегда не то у Чирикова. По окончании училища он попал на ничтожное место, дававшее ему «тридцать или сорок рублей в год». Ему же «мерещилась впереди жизнь во всех удовольствиях, со всякими достоинствами; экипажи, дом, отлично устроенный,

¹ В сознании автора оно легко трансформируется в *нечистое* одеяние в физическом смысле. Явно не без соображений о Чирикоче Гоголь писал в мае 1844 г. С.Т. Аксакову: черт – «точно мелкий чиновник, забравшийся в город»; «и теперь я <...> вижу ясней многие вещи и называю их прямо по имени, т.е. чорта называю прямо чортом, не даю ему во все великолепного костюма á la Байрон и знаю, что он ходит во фраке из <...> и что на его гордость стоит вы<...>ться, – вот и всё!» (XII, 300–301).

вкусные обеды» (VI, 228). Желая «все победить и преодолеть» на пути к мечте, он принялся «угождать начальнику», престарелому повытчику. Ничто не приносило успеха, пока Павел Иванович не «*пронюхал* его домашнюю, семейственную жизнь, узнал, что у него была зрелая дочь». «Приступ» с этой стороны пошатнул нечувствительного начальника. Чичиков переехал к нему в дом, «с дочерью обращался, как с невестой, повытчика звал папенькой <...> все положили в палате, что в конце февраля перед великим постом будет свадьба» (VI, 230). Благодаря хлопотам «папеньки» Чичиков получил место повытчика, тут же съехал с его квартиры и забыл про свою «невесту».

Достоевский, желая объяснить внутреннюю природу героя, может сделать это вполне ясно и недвусмысленно, например, используя цитату из Священного Писания. Федор Павлович Карамазов в эпизоде скандала в монастыре говорит: «А лгал я, лгал, решительно всю жизнь мою, на всяк день и час. Воистину ложь есмь и отец лжи! Впрочем, кажется, не отец лжи, это я всё в текстах сбиваюсь, ну хоть сын лжи, и того будет довольно» [Достоевский, 1991, с. 51]. Данная самохарактеристика, включающая слова Христа о дьяволе: «лжец и отец лжи» [Ио. 8: 44], абсолютно точно определяет духовную природу главы семейства Карамазовых. Гоголь открывает и описывает в Чичикове аналогичную природу, но понять это сложнее, потому что столь семантически прозрачными, маркирующими приемами при построении образа он не пользуется. И все-таки не так уж сложно увидеть, что в своем повседневном – и бытовом, и деловом – поведении Чичиков не делает ничего, кроме как лжет, лжет и на каждом шагу лжет. Эта мысль ясно выражена в словах князя, выговаривающего ему за подделку завещания: «...*в вас мерзостей в несколько раз больше того, что может <выдумать> последний лжец. Вы во всю жизнь, я думаю, не делали небесчестного дела. Всякая копейка, добытая вами, добыта бесчестней<шим образом>, есть воровство*» (VII, 107). К Чичикову вполне применимы слова из «Заколдованного места»: «Всё, что ни скажет враг Господа Христа, всё солжет, собачий сын! У него правды и на копейку нет!» (I, 315).

Герой постоянно выступает нарушителем христианских норм поведения. Почему-то чиновники решили, что свадьба Чичикова будет «*в конце февраля перед великим постом*». В это время церковь не венчает, потому что пост предписывает и телесное воздержание. Предположением чиновников дискредитирован и Чичиков, и они сами. И когда старый повытчик произносит: «Надул, надул, *чертов сын!*», то последние слова следует понимать, как и в случае с Федором Павловичем Карамазовым, – буквально: если в герое Достоевского «дух нечистый <...> заключается» [Там же, с. 47], если он «бесов сын» [Там же, с. 114], то и здесь перед нами нечистый – «*чертов сын*». Показательно и невероятное рвение Чичикова в исполнении своих обязанностей на таможне, за которым игра в честного чиновника-таможенника. Потому есть *особая* правота во мнении начальства, которое «изъяснилось, *что это был черт, а не человек*» (VI, 235). Потому, действительно, комична сцена, в которой Чичиков сулит Коробочке черта, а она пугается от этого и еще от того, что «третьего дня всю ночь» снился ей окаянный. Не того бы черта бояться, что с рогами «длиннее бычачьих», а того, кто стоит перед ней, – уж в прямом смысле «Бог наслал» (см.: VI, 54). В данном контексте теряют метафорический смысл и слова генерала Бетрищева, оценивающие «коммерческую» деятельность Чичикова по скупке мертвых душ: «*Тебя сам черт угораздил на такую штуку*» (VII, 170), и цитированные оправдания Чичикова перед Муравьевым (*сатана искусил*), и его же, брошенное вскользь и звучащее как оговорка: «*мертвые души дело не от мира сего*» (VI, 53). Пребывание и деятельность Чичикова в «сборном городе» NN (символизирующем Россию) в качестве доминирующей фигуры и универсального двойника героев-помещиков и чиновников обнаруживают в его пространстве мистическое измерение «не от мира сего».

Не случайно и приобретенные души Павел Иванович собирается заложить не куда-либо, а в опекунский совет. Опекунские советы, находившиеся в обеих столицах, ведали опекой над сиротами (подкидышами, незаконнорожденными и пр.) – теми, к кому всегда на Руси было особое отношение. Существовали советы в значительной степени за счет благотворительных поступлений. Тогда у кого и какие деньги решился украсть Чичиков? – подаяние тем, кого на Руси называли людьми Божьими, милостыню, – мистическую жертву Всевышнему¹. Впрочем, у него есть опыт воровства у Христа Спасителя. И на этот раз герой встал в ту же, привычную для него позицию по отношению к Христу – против.

Жизнеописание героя Гоголь излагает с момента рождения. И здесь мы наталкиваемся на очень интересный пассаж. *«Темно и скромно происхождение нашего героя. Родители были дворяне <...> лицом он на них не походил <...> он родился просто, как говорит пословица: ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца»* (VI, 224). Не стоит полагать, что Гоголь не вложил в эти строки тайного значения. Христос рождается непорочно, от Пречистой Девы. Его противник, «человек греха, сын погибели» [2 Фесс. 2: 3], Антихрист во всех вариантах его жизнеописания рождается от блудницы, он незаконнорожденный². Изначально, от рождения автор сопрягает своего героя с миром зла и тьмы (а потому – *«темно»* происхождение)³. Пословица, объясняющая появление Павлуши Чичикова на свет, представляет его мать блудницей. Ср. об отце: *«развратил сиротку, которой он был опекуном»* (VII, 114).

Отец, даже и не предположительно, а по конечной логике совершенно точно, отцом Павлуше не приходится. Гоголь не сделал мать героя персонажем поэмы и никак не объяснил это читателю. В качестве действующих семейных героев выступают только «отец» и «сын». Ничего удивительного, что в их отношениях нет и тени живого чувства.

Уподобление героя противнику Бога звучит в проекции Чичиков – Наполеон – Антихрист (см.: VI, 205, 206) и пассаже из второго тома о раскольниках⁴: *«Кто-то пропустил между ними, что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие-то мертвые души»* (VII, 118).

Таим образом, Гоголь так или иначе синтезировал все предыдущие «сюжеты» русской культуры о «мертвых душах»: петровский, старообрядческий и свя-

¹ «Когда встречались две древнерусские руки, одна с просьбой Христа ради, другая с подаянием во имя Христово, трудно было сказать, которая из них больше подавала милостыни другой: нужда одной и помощь другой сливались во взаимодействии братской любви обеих. <...> Нищий был для благотворителя лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель. “В рай входят святой милостыней, – говорили в старину: – нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается”» [Ключевский, 1991, с. 109]. Картина, написанная историком, красочно иллюстрирует рассматриваемую традицию. Только в гоголевской ситуации в ней не хватает еще одной руки – Чичикова.

² Жизнеописание Чичикова как сюжет встраивается в ряд аналогичных жизнеописаний в русской литературе. Архетипом для всех них является сюжет об Антихристе [подробнее см.: Васильев, 2006].

³ Речь идет о бинарных оппозициях внутри культурных текстов, об образцах, на которые авторы ориентируют своих литературных героев, в частности Гоголь – Чичикова. В реальной жизни независимо ни от чего человек обладает свободой выбора между добром и злом (Богом и дьяволом, Христом и антихристом).

⁴ В одном из писем к А.О. Смирновой Гоголь просит известить его «о раскольниках, какие находятся в Калужской губернии», «в чем состоит их раскол <...> Каковы они в жизни, в работе, в трудах <...> сравнительно с православными» (XIII, 42, 43). Иногда видят странность в такого рода просьбах Гоголя. Нам ничего странного в них не видится. Не раз показано, что из, казалось бы, незначительных фактов или строк устных народных произведений он мог выстроить целый эпизод, вывести точную оценку, а то и целую философию. Собственно, так родились и «Мертвые души».

занный с аферистами. Его позиция в оценке русской жизни объективно более всего смыкается с радикальной старообрядческой, крестьянской.

Литература

- Аристов Н.Я. Сочинения Н.В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб, 1887.
- Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1996.
- Боцяновский Вл. Один из вещных символов у Гоголя // Статьи по славянской филологии и русской словесности. Л., 1928. Т. СІ.
- Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993.
- Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры): В 2 ч. Красноярск, 2006. Ч. I.
- Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000.
- Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937–1952.
- Гольденберг А.Х., Гончаров С.А. Легендарно-мифологическая традиция в «Мертвых душах» // Русская литература и культура нового времени. СПб., 1994.
- Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб, 1997.
- Гуминский В.М. Гоголь и Александр I (Из комментариев к «Мертвым душам») // Н.В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения. М., 2003.
- Гурьянова Н.С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.
- Демидова Т.Э. Происхождение и смысл одной цветовой метафоры в поэме Н.В. Гоголя (Гоголь и Айвазовский) // Н.В. Гоголь и его литературное окружение. Восьмые Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. науч. конф., Москва 1-4 апреля 2008 г. М., 2008.
- Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 4. Л., 1989.
- Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 9. Л., 1991.
- Карпенко А.И. У истоков гоголевской поэмы «Мертвые души» // Вопросы русской литературы. Львов, 1985. Вып. 1 (45).
- Кирсанова Р.М. Превращения фрака «наваринского дыму с пламенем» // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995.
- Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991.
- Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.
- Мережковский Д.С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 1914. Т. 15.
- Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1996.